

Зенюк Р.В., кандидат исторических наук, Институт истории НАН Беларуси (Республика Беларусь)

ОРГАНИЗАЦИЯ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СУДЬБЫ АРХИВОВ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИХ МОНАСТЫРЕЙ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XVIII– ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.¹

В статье под «монастырским архивом» понимается собрание документов, которое формировалось на протяжении существования конкретного монастыря и касалось основных направлений его деятельности а также персонального состава. Проанализирована видовая специфика документов монастырских архивов, способы пополнения и хранения, а также судьбы данных коллекций документов в XIX в.

Ключевые слова: архивы, римско-католическая церковь, римско-католические монастыри, Российская империя, XIX в.
DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-03-62-71

Римско-католические монашеские ордена в Беларуси являлись доминирующим элементом в структуре католической церкви: как по количеству храмов, так и по количеству духовенства в них. Ордена и монашеское духовенство в большей степени, чем епархиальное, были вовлечены в общественно-политическую, образовательную, экономическую сферы жизнедеятельности общества, а также в благотворительность и охрану здоровья [23, с. 105–110, 327–426]. Разнообразные аспекты включения монашеских орденов, их монастырей и духовенства в эти сферы находили отражение в документации, которая хранилась в разных видах церковных архивов.

Исторически, в римско-католической церкви сформировались несколько видов архивов: епархиальные, епископские, приходские [40, 41], орденские (с подвидами: генеральные, провинциальные, монастырские) и др. Каждый из них имел иную подчиненность, наполнение и функции. В данной статье внимание обращено на один из этих видов: монастырские архивы, анализ их организации, специфику формирования коллекций и их судьбы в XIX в.

История и деятельность монастырских архивов в Беларуси является малоисследованной темой. Немногочисленные статьи посвящены архивам отдельных монастырей, например Полоцкого доминиканского [2] или Пинского францисканского [1]. Постепенно историки начинают возвращаться к исследованию данных архивов [22]. Восстанавливаются коллекции, создаются инвентари сохранившихся документов. В соседних странах

(например, в Польше, Литве) такие архивы действуют как самостоятельные учреждения, обеспечивающие хранение и доступ пользователей к документам.

Сегодня в Беларуси архивы римско-католических монастырей как учреждения не действуют. На протяжении XIX в. в результате реализации политики Российской империи на присоединенных к ней белорусских землях было закрыто более 150 римско-католических монастырей. На начало XX века на белорусских землях продолжали свою деятельность только 3 римско-католических монастыря. В первой половине XX в. в БССР советской властью проводилась национализация церковного имущества (в т.ч. документов). Возродившиеся в межвоенный период на территории Западной Беларуси католические монастыри вынужденно завершили свою деятельность в середине XX в. в результате реализации советской атеистической политики. Перечисленные факторы повлияли на общую прерванность орденской и монастырской традиции в Беларуси и, соответственно, традиции организации и деятельности монастырских архивов.

В процессе реконструкции истории и деятельности архивов существенную помощь оказывают документальные материалы, в которых зафиксировано описание их формирования и наполнения. Наибольшее количество информации о монастырских архивах содержится в актах их визитаций и иногда – в инвентарях. Именно в этих документах отдельным пунктом обозначалось наличие в монастыре архива. Однако, многие инвентари не отмечают наличие архива. При

¹ Работа в архивах и библиотеках Литвы была возможна благодаря участию в программе мобильности МОСТ (декабрь 2019 г.)

этом все без исключения фиксируют наличие библиотеки, даже небольшой [31]. Например, в некоторых инвентарях Ивьевского [9] и Слонимского [14] бернардинских, Лысковского миссионерского [18], Ошмянского [20] и Свислочского [10, 11] францисканских, наличие архива не отмечено. Однако, это не значит, что архива в них не было. Можно допустить, что в случае описания имущества монастыря (для чего и создавались инвентари как вид документов) книги имели материальную ценность, а документы, хотя и подтверждали право монастыря на владение материальными благами, сами по себе материальной ценности не имели, поэтому в инвентари вносились не всегда. Поэтому можно наблюдать ситуацию, когда в монастыре за один год архив отсутствует, а в другом – отмечен. Так, например, в инвентаре Слонимских бернардинцев за 1804 г. архив не отмечен [14], а за 1859 [15, л. 6] – значится.

Вообще, под «монастырским архивом» понимаем собрание документов, которое формировалось на протяжении существования конкретного монастыря и касалось основных направлений его деятельности (религиозной, хозяйственной, культурной, благотворительной и др.), а также персонального состава [22, с. 163]. При наличии при монастыре приходского храма монастырский архив был тесно связан с приходским (его составляли метрические книги и документы, которые относились к деятельности прихода). Однако они являлись собраниями документов разных организаций. Именно поэтому необходимо различать эти два вида архивов и содержащиеся в них документы. Приход, в котором работали монахи конкретного монастыря, представлял собой отдельный институт. Монастырь и его члены подчинялись орденским властям, приход – епархиальному начальству. Приходская документация обычно хранилась не в монастыре, а в храме, и называлась: «приходские книги» [24, л. 7]. Они включали в себя метрические книги (книги крещений, браков, погребений), книги епископских распоряжений, книги распоряжений светской власти и духовной (провинциалов) относительно организации приходской жизни.

Коллекция документов в монастыре не

всегда функционировала и понималась как собственно архив. Архив имел названия: «бумаги» (белыничский кармелитский монастырь) [34, л. 27] / «документы» (княжицкий кармелитский монастырь [35, л. 18], витебский и оршанский монастыри тринитариев [29, л. 30, 36]), «монастырские бумаги», «приходские, филиальные и монастырские акты [16, л. 17 об.–18]» либо же непосредственно «архив [17, л. 3] (Поставы францисканцы [24, л. 29 об.], Бабиновичи тринитарии [29, л. 25 об.] / монастырский архив (Вильно миссионеры) [16, л. 23 об.–26]».

В Старо-Мядельском монастыре кармелитов босых архив действовал под названием «Документы костела и монастыря [19, л. 21 об.]». Описью для них выступала запись в акте визитации. Систематизация отсутствовала. Отдельно хранились метрические книги. В монастыре кармелитов древних правил в Слободке документы, которые хранились в монастыре, назывались «приходские акты» [12, л. 17 об.–18]. При их описании отмечается, что здесь хранятся документы прихода, с момента его основания при монастыре, акты визитаций, книги приходов и расходов и регистрационные книги [12, л. 17 об.–18]. Таким образом, в ряде случаев наблюдалось совмещение функций архивов двух институтов: монастыря и прихода при монастырском храме.

Ответственность за хранение документов возлагалась на настоятеля монастыря (приора, гвардиана, ректора), синдика, либо специально назначенного для этого человека [2, с. 9]. Специального места (кабинета, кельи, отдельной комнаты) монастырские архивы чаще всего не имели. Для хранения документов старались выбрать отдельное место в книжном шкафу либо куфаре (сундуке). Чаще всего архив хранился у настоятеля или же в монастырской библиотеке. Например, архив гродненского францисканского монастыря «был в библиотеке в ящичке окованном и у гвардиана» [8]. Удельские францисканцы также ответственность за хранение архива возлагали на гвардиана. В акте визитации отмечалось: «Стопки документов, которые служат монастырю, хранятся в канторике¹» в третьей комнате гвардиана [24, л. 130 об.]. Полоцкие иезуиты выделили для архива «два

¹ Канторик – разновидность секретера.

шкафа [5, л. 99]». Новоградские доминиканцы архив хранили в библиотеке, где для него был также выделен канторик, который закрывался на 2 замка [33, л. 6 об.].

К основным задачам монастырского архива относились: накопление и хранение документов. Системность в выборе документов, необходимых для хранения практически отсутствовала. Наиболее бережно относились к фундушевым, имущественным, хозяйственным и судебным документам, которые подтверждали права на владение землей, имуществом и денежными суммами [8, л. 161; 32, арк. 7]. Обязательная каталогизация документов, хотя и требовалась, но была редким явлением. Функцию каталога выполняли записи в актах визитаций, в которых скрупулезно перечислялись документы монастырского архива [28, л. 15 об., 32, л. 7–8]. В зависимости от направления деятельности ордена архив мог содержать и документацию учреждений, которые при нем существовали (шпиталь, школа, братство и др.).

О порядке в монастырских архивах работали провинциалы орденов. В их замечаниях во время визитаций можно найти и относящиеся к организации архивного дела. Например: «организовать архив в надлежащем месте (*пер. с польск. – авт.*)» (визит провинциала Петра Хризостома Янковского в Гродненский францисканский монастырь) [8, л. 143], «создать и возобновить монастырские документы (*пер. с польск. – авт.*)» (визитация провинциала Доминика Хшановского во время визитации Гродненского францисканского монастыря в 1830 г.) [8, л. 144].

В документах, которые хранились в монастырских архивах можно выделить несколько групп: 1) фундушевые документы, 2) делопроизводственные документы, 3) персональная документация, 4) распорядительная документация (разного происхождения – от светских и духовных властей), 5) хроники и дневники монастырей, 6) переписка [22, с. 164]. В некоторых случаях архив вообще понимался только как собрание фундушевых документов [16, л. 23 об.–26]. Иногда архив и обозначался названием «архив фундуша» (Друйский доминиканский [24, л. 15] и Друйский бернардинский [24, л. 116 об.–118] монастыри).

Фундушевые документы и делопроизводственная документация (счета и

хозяйственные документы) были наиболее количественными группами. Поскольку основное количество монастырей содержалось с земельных наделов и с назначенного фундаментом или благотворителями материального обеспечения, фундушевые документы тщательно сохранялись. Именно они являлись основными аргументами, которые при необходимости можно было представить как доказательство права на землю в случае судебных разбирательств. К этой же группе относились судебные документы и документы решений судов (например, «документы процесса ксендзов кармелитов с Михайлом и Николаем Пацами 1696 г. Сентября 13 дня», которые хранились в княжицком кармелитском монастыре [35, л. 18]). В некоторых случаях в монастырях хранились планы монастыря и земель, которые ему принадлежали [6, л. 102]. Экономами монастырей, а также экономами фольварков, которые им принадлежали, велись книги доходов и расходов, а также книги учета монастырского имущества.

Уставы орденов и хроники монастырей, постановления монастырских капитулов (конвентов) также хранились в монастырском архиве [4, л. 3–54, 59–67]. Ведение хроники (дневника). являлось одним из элементов жизнедеятельности монастыря. В уставах некоторых орденов специальными предписаниями их основатели возлагали на монахов обязанность ведения монастырских хроник (например, устав св. Бенедикта). До наших дней сохранились дневники Полоцкого иезуитского коллегия [7] а также хроники некоторых гродненских монастырей [43].

Блок персональной документации комплектовался в зависимости от функций, которые исполнял монастырь. В рядовом монастыре к такой документации относились списки духовенства (чаще всего из акта визитации); списки (книги) умерших насельников монастыря. Персональные списки монахов оформлялись схожим образом: они содержали фамилию и имя, возраст, сословное и территориальное происхождение, образование, когда и где вступил в орден, обязанности в монастыре, способность к их исполнению. В случае наличия в монастыре новициата и/или студий количество персональной документации увеличивалось. Каждый из вступающих в орден/монастырь должен был представить

определенный пакет документов. Во время нахождения молодых монахов в монастыре важнейшие события их монастырской жизни также документировались и записывались в специально заведенные книги (обряд облачения в монашескую одежду, обряд первых монашеских обетов и их обновлений, обряд принесения вечных (торжественных) монашеских обетов, обряды диаконских и священнических посвящений).

Группа персональной документации была представлена документами постоянного и временного хранения. К документам временного хранения относились те, которые прибывали в монастырь вместе с переводом нового монаха. Смена места служения в католических монастырях была регулярным явлением (за исключением орденов, которые обязывали их членов сохранять постоянное место пребывания (*stabilitas loci*), например, картезианцы (монастырь в Березе) или бригидки (монастырь в Гродно). Перевод сопровождался обязательным комплектом документов или их заверенными копиями, среди которых были метрические выписки, свидетельства о имевшихся посвящениях, разрешения на произнесение проповедей и слушание исповедей и др.

К документам постоянного хранения относились те, которые создавались в случае, если при монастыре действовали новициат или студии. В этом случае здесь хранились документы каждого из вступивших в орден. Перед тем, как принести первые монашеские обеты каждый кандидат заполнял специальную форму (вопросы варьировались в зависимости от ордена [26]).

В группу «переписка» включены документы, созданные в результате личной и официальной переписки. В монастырский архив попадали только документы от вышестоящих лиц с общими распоряжениями относительно конкретного монастыря (например, замечания визитатора после визитации и др.). Иногда велись книги корреспонденции настоятеля, в которые включались даты и адресаты писем (с обозначенной темой).

В зависимости от специфики и направления деятельности ордена в архивах хранились блоки документов, которые отражали реализацию этих направлений. Например, монахи-миссионеры вели книги миссий, которые

проходили под их руководством в различных приходах на белорусских землях [3].

Римско-католическая церковь была активно включена в социальную сферу. Данное включение реализовалось путем содержания школ, шпиталей, богаделен [23, с. 369–407]. При наличии при монастыре школы отдельно хранилась документация, которая касалась ее деятельности. Это программы обучения, планы лекций, конспекты, списки учеников, книги оценок и успеваемости, копии школьных свидетельств и дипломы либо их копии [5].

Каждый орден имел папские привилегии на организацию и деятельность братств. Например, при монастырях доминиканского ордена действовали братства святого Розария, францисканских – св. Антония, иезуитских – святого Сердца Иисуса. В конце XVIII–XIX в. братства были едва ли не единственными всеобщими организациями. В храмах братствам принадлежала хоругвь (хоругви) которая использовалась во время процессий, иногда – алтарь (переносной алтарь [5, л. 3]). Братства имели ряд молитвенных обязанностей, а также обязанности обеспечивать свечами (и иногда цветами) богослужения. В связи с этим существовала специальная братская касса, которая использовалась для этих целей, а также для необходимой помощи братчикам. Братства имели свой блок документации в монастырском архиве. Это списки членов, и списки прихода-расхода сумм из братской кассы [25].

Шпитали, которые действовали при монастырях, можно разделить на две группы. Первая – это благотворительные институты, которые действовали как при наличии отдельного фондуша, так и без него – исключительно по инициативе и на средства монастыря. Это были не столько медицинские, сколько благотворительные учреждения, выполнявшие функцию богаделен, домов престарелых и инвалидов [23, с. 376–377]. Вторая – это профессиональные медицинские учреждения, которые действовали при монастырях, которые специализировались на медицинской деятельности (в Беларуси ими были бонифратры и рохиты). И именно во втором случае отдельно формировался архив шпиталья. Он хранился вместе с монастырским. Кроме этого, традиционным для католических монастырей было предоставление

помещений для проживания нуждающимся в жилье людям, которые имели доход. Такое явление наблюдалось, например, в минских монастырях бенедиктинцев и бенедиктинок. Квартирующие там люди также были обязаны предоставить свидетельства о своем происхождении, которые хранились в монастырском архиве [39, л. 9–16].

Как пример наиболее правильной и четкой организации монастырского архива можно привести описание архива Минского

монастыря кармелитов древних правил. Оно было создано во время генеральной визитации в 1799 г. [30, л. 2–47] Как следует из описания, архив содержался в доскональном порядке. Имеющаяся документация была систематизирована по тематическому принципу. Общее количество документов кармелиты разделили на 24 фасцикула, с отметкой о важности документа, его оригинальности и количестве экземпляров:

Номер фасцикула	Название	Кол-во документов	Хронология
1	«Документы, которые дают представление про короткую основу экзистенции ксендзов кармелитов минских». В нем были выделены: 1) документы на пергаменте и 2) разные документы. В первую группу входили три документа (один – фундушевый (оригинал и копия) и два привилея на деятельность братств). Вторая группа состояла из 7 документов (фундушевых, хозяйственных и судебных).	10	
2	«Документы на пляц Пешкевичевский»	13	1689–1702
3	«Документы и разные бумаги на каменницы и пляцы, которые после Шишков Ваньковичам достались»	9	1665–1740
4	«Бумаги Юревичей с Малявской»	10	1648–1741
5	«Пляц Повайгубовский (?)»	9	1610–1735
6	«Документы на пляцы и грунты Захаревичами приобоетенные, фасцикуликами сложенные»	32	
7	«Семейные документы Александра Захаревича»	12	1582–1741
8	«Документы о наследстве от Александры на сына Ежи»	10	1668–1695
9	«Пляцы Яна Турчиновича Сушицкого и Юриздика монасытырю минскому кармелитов данные, <i>важные</i> (курсив – авт.)»	10	1664–1756
10	«Пляцы и грунты самими кармелитами приобретенные, <i>важные</i> (курсив – авт.)»	7	1663–1747
11	«Документы от Жижемских»	6	1713–1757
12	«Права, записи и документы на пляцы, магазины, землю, разным служащим отданные»		
13	«К фасцикулам 6,7,8 бумаги разные Захаревичевы и Проскурнические – <i>менее важные</i> (курсив – авт.)»	18	
14	«Пляц Свентаржецкого от монастыря кармелитов минских отделенный, <i>поэтому и бумаги в нем менее важные</i> (курсив – авт.)»		
15	«Процесс Хлопицкой с Хлопицкими (на 1 900 зл.пл.кармелитам)»	33	
16	«Документы, которые доказывают, что ксендзы кармелиты процедовали с Залеским о 1 200 зл.пл.»	6	
17	Судебно-финансовые документы	6	
18	«Бумаги менее необходимые (с выделением «самых ненужных»)»	27	
19	«Тестаменты разные и легационные записи»	6	
20	«Бумаги Хотковского с должниками, в которых есть доказательство, что ксендзам кармелитам была записана сумма 1 361 зл.пл.»	16	
21	«Разные облигации и денежные переводы»	12	
22	Финансовые документы	6	
23	«Разные счета и выписки»	10	
24	«Бумаги на Кальварию Долгой Нивой называемую (с выделением: что до костела кальварийского, что до кладбища кальварийского и др.)»		

Подобной была и организация Гродненского архива францисканцев. В начале XIX в. он состоял из 24 фасцикулов с подобной систематизацией [8]. В Друйском монастыре

доминиканцев архив состоял из 37 фасцикулов, один из которых составляли фундушевые документы. Как отмечал визитатор, документы хранились в надлежащем порядке [24, л. 15].

Документы, объединенные в книги, хранились в архиве поставских францисканцев. Документы были объединены по тематике: книга для записи облигационных месс; книга для записи приходов и расходов, книга правительственных указов и распоряжений, акты конвента с 1774 г., древние акты конвента с 1752 г., инвентари с 1724 г., акт визитации ксендза Трацевского 1804 г., книга копии фундушевых документов, визитация ксендза Ясинского 1817 г. и др. [24, л. 29 об.].

Массовая ликвидация римско-католических монастырей, которую реализовали российские власти (преимущественно после подавления восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг.) негативно сказалась и на судьбах монастырских архивов. При закрытии монастыря с документами, которые в них хранились, поступали по-разному. В ряде случаев документы передавались в епархиальный архив либо перевозились в другой монастырь этого же ордена. Иногда передавались светским властям. В некоторых случаях – документы оставались на месте и со временем уничтожались (в том числе из-за ненадлежащих условий хранения). При ликвидации учреждений, которые существовали при монастырях их документация передавалась в соответствующее ведомство [27]. При ликвидации религиозного объединения или братства документы чаще всего уничтожались. Например, 20 апреля 1868 г. Виленский, Ковенский, Минский и Гродненский генерал-губернатор издал распоряжение о закрытии всех братств при костелах. Все эмблематические знаки братств и книги необходимо было сжечь [21, с. 287].

Процесс закрытия монастыря предусматривал внесение архива в списки монастырского имущества. Например, во время ликвидации бернардинского монастыря в Мстиславле (сентябрь 1832 г.) во время описи монастырского имущества и строений отдельным пунктом описывался архив монастыря. Особенное внимание уделялось фундушевым документам, которые давали право собственности на землю, населенные пункты, крестьян, пляцы, поскольку с момента закрытия всё это переходило в казну и становилось основой для создания вспомогательного капитала для католического духовенства. Такие документы должны были быть

переданы специальному делегату от казённой палаты [36].

Тогда же, во время ликвидации мстиславского кармелитского монастыря также проверялось наличие всех документов в архиве по описи согласно последнего акта визитации. Чиновником, который отвечал за организацию закрытия монастыря, был составлен список из 148 документов, среди которых были тестаменты, облигации, выдержки (экстракты) из документов и гродских книг, документы на землю, судебные документы, декреты консистории. Церковное имущество (богослужебные книги, литургическая одежда и посуда, иконы) признавались собственностью католической церкви и передавались депутатам от консистории. Принадлежавшие мстиславским кармелитам вещи 9 сентября 1832 г. под расписку были переданы «духовному депутату» ксендзу Юрию Хлюдинскому [37, л. 17–17 об.]. Ему же были переданы «разные старинные на польском диалекте писанные документы» [37, л. 25]. Однако, после того, как выяснился факт передачи этой группы документов католической церкви, было приказано эти документы передать из консистории в казенную палату. Предполагалось, что эти документы могли быть фундушевыми записями для мстиславского монастыря. Кроме вышеперечисленных, был составлен список документов, которые относились к хозяйственной деятельности монастыря.

В документах, созданных при ликвидации Чаусовского монастыря кармелитов в перечне документов прихода отмечено, какие из них были переданы в консисторию. Это были метрические книги за разные годы [38, л. 83].

Как видно, вопрос с архивами упраздненных монастырей, решался в зависимости от статуса документов. Все фундушевые документы, а также документы, которые касались хозяйственной деятельности монастыря, должны были быть переданы светским властям в казенные палаты. Однако, в случае с нерасчитанными документами мстиславских кармелитов оказалось, что это иные документы из архива монастыря. В свою очередь, персональные документы и документы о внутренней организации жизнедеятельности монастыря кармелиты могли оставить в собственности ордена.

В начале 40-х гг. XIX в. в Российской империи был проведен ряд мероприятий по секуляризации имений римско-католической церкви, в том числе и монастырских. По указу 25 декабря 1841 г. все недвижимые имения иноверного духовенства западных губерний передавались в ведение и управление Министерства государственных имуществ. Исключение составляли имения, состоящие в собственности приходского белого духовенства, не принадлежавшего к высшей иерархии и монашеству. Этот указ сопровождался инструкцией, в которой точно определялось, какое имение и когда должно было перейти в ведение казны [42, с. 85]. Вместе с передачей имущества монастырей в государственную казну, туда же передавались и документы монастырских архивов, обеспечивающие право на владение различными материальными ценностями. В связи с этим, в некоторых инвентарях и иных документах, которые предусматривали описание в том числе и архива монастыря отмечалось: «Весь монастырский архив, после перехода фундуша в казну, был перенесен в Палату государственных имуществ (*пер. с польск. – авт.*)» [13, л. 4 об.]. Однако, властей интересовали только фундушевые и судебные документы, которые обеспечивали право на владение землёй, имениями и капиталами. В связи с этим, иные документы оставались в монастырях, и формировали монастырский

архив в его неполном виде. Так, например, в архиве Слонимских бернардинцев в 1859 г. отмечены только следующие документы: акты визитов или инвентари (3 шт.), книги визитов провинциалов (2 шт.), книги прихода и расхода (2 шт.), книги месс принятых и отправленных (2 шт.), книга копий документов (1 шт.), книги указов монархов и епархиальных распоряжений (2 шт.) [15, л. 6]. Как видно, значительный блок документов – фундушевых, хозяйственно-экономических, судебных в архиве отсутствовал.

Таким образом, монастырские архивы представляли собой особый вид документальных коллекций. Для них была характерна конкретная локализация (монастырь), специфика наполнения (фундушевые, делопроизводственные и персональные документы), концентрация в них как непосредственно монастырских документов, так и документов тех учреждений, которые существовали при нём (школы, шпитали, братства). К основным задачам архивов относились: накопление, хранение и сохранность документов, преимущественно касающихся материального обеспечения монастыря. В XIX в. монастырские архивы в Беларуси как вид были практически ликвидированы в связи с массовым закрытием монастырей и рассосредоточением документов из них в разных институциях (государственных и церковных), а в ряде случаев – с утерей и уничтожением.

Список литературы

1. Антановіч З.В. Архіў і бібліятэка Пінскага францысканскага кляштара ў XIX ст. як частка соцыякультурнай спадчыны Піншчыны // Крыніцазнаўства, археаграфія, архівазнаўства ў XX–XXI стст. у Беларусі: зб.наук. арт., прысвечаны 100-годдзю з дня нараджэння М.М. Улашчыка / Гал. Рэд. С.М. Ходзін (адк.рэд.). Мінск : БДУ, 2008. С. 190–195.
2. Антановіч З.В. Архіў Полацкага дамініканскага манастыра ў сярэдзіне XIX ст. // *Архіварыўс* : Зб.наук.паведамл.: Вып. 5. 2007. С. 8–14.
3. Архив миссионеров в Кракове на Страдоме (АМК). Папка «Śmiłowice–4».
4. АМК. Папка «Śmiłowice».
5. Архив провинции Южной Польши Общества Иисуса (АПЮПОИ). Ркпс. 1027–XV.
6. АПЮПОИ. Ркпс. 1326.
7. АПЮПОИ. Ркпс. 845.
8. Архив францисканцев в Кракове. Е-I-12-19.
9. Библиотека Виленского университета (БУВил). F57–B53–469.
10. БУВил. F57–B53–1024.
11. БУВил. F57–B53–1025.
12. БУВил. F57–B53–1033.
13. БУВил. F57–B53–1034.
14. БУВил. F57–B53–1043.

15. БУВил. F57–B53–1044.
16. БУВил. F57–B53–1175.
17. БУВил. F57–B53–3.
18. БУВил. F57–B53–705.
19. БУВил. F57–B53–797.
20. БУВил. F57–B53–889.
21. Зянюк Р.У. Барацьба з рымска-каталіцкімі брацтвамі як форма абмежавання ўплыву касцёла ў другой палове XIX ст. // Паўстанне 1863 – 1864 гг. у Польшчы, Беларусі, Літве і Украіне: гісторыя і памяць : зб.наук.арт. / уклад.: В.В. Яноўская, А.У. Унучак, А.Э. Фірыновіч, рэд.кал.: А.А. Каваленя [і інш.]. – Мінск : Бел. навука, 2014. С. 279–291.
22. Зянюк Р.У. Кляштарныя архівы Беларусі ў канцы XVIII – пачатку XX ст. // Дакументальная спадчына Беларусі XIV – XX стст. : Мат. Навук-практ. канф., прысв. 75-годдзю Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі, Мінск, 26 чэрвеня 2013 г. / Рэд.кал.: У.І. Адамушка [і інш.]. – Мінск: А.М. Варахін, 2014. С. 162–168.
23. Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / В.В. Яноўская [і інш.] ; навук. рэд. В.В. Яноўская. Мінск : Бел. навука, 2015. 496 с.
24. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). Ф. 694. Оп. 1. Д. 2754.
25. ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 57.
26. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1781. Оп. 2. Д. 1933.
27. НИАБ. Ф. 1781. Оп. 2. Д. 2461.
28. НИАБ. Ф. 1781. Оп. 26. Д. 1402.
29. НИАБ. Ф. 1781. Оп. 26. Д. 1441.
30. НИАБ. Ф. 1781. Оп. 27. Д. 261.
31. НИАБ. Ф. 1781. Оп. 27. Д. 283.
32. НИАБ. Ф. 1781. Оп. 27. Д. 337.
33. НИАБ. Ф. 1781. Оп. 27. Д. 569.
34. НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 131.
35. НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 134.
36. НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 137.
37. НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 138.
38. НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 144.
39. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1150.
40. Сыцько К.В. Архівы рымска-каталіцкіх парафій Заходняй Беларусі XIX – першай паловы XX ст. (на прыкладзе архіва касцёла Найсвяцейшай Тройцы ў в. Ішчална) // Теоретическіе і практыческіе праблемы дакументаведення і архіваведення: ретроспектыва і савременность. Матэрыялы Міжнароднай навучна-практыческай канферэнцыі (Мінск, 2-3 декабря 2015 г.) / Рэд.кал.: Э.М. Савіцкі, С.В. Жумарь, П.А. Левчык і др. Мінск : БелНИИДАД, 2016. С. 173–181.
41. Сыцько К.В. Дакументы і матэрыялы канца XVII – XX ст. з парафіяльных архіваў Рымска-каталіцкага касцёла як крыніцы па гісторыі Беларусі. Аўтарэферат дыс. на саісканне вучонай ступені кандыдата гіст.наук. 07.00.09 – гістарыяграфія, крыніцазнаўства і метады гістарычнага даследавання. Мінск, 2019. 26 с.
42. Филатова Е.Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси. 1772–1860 гг. Минск : Бел. наука, 2006. 192 с.
43. Paulouskaya H. Grodzieńskie kroniki klasztorne XVII i XVIII wieku. Formy gatunkowe i aspekty komunikacyjne. Warszawa : Wydawnictwo DIG, 2016. 183 s.

ORGANIZATIONAL STRUCTURE, WORK AND FATE OF ARCHIVES OF ROMAN CATHOLIC MONASTERIES IN BELARUS AT THE END OF THE 18TH – FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY.

In the article, the “monastery archive” is understood as a collection of documents formed during the existence of a particular monastery and related to the main directions of its activities as well as its personnel. The article analyzes specific

features of monastery archives, methods of their replenishment and storage, as well as the fate of these document collections in the 19th century.

Keywords: archives, Roman Catholic Church, Roman Catholic monasteries, Russian Empire, 19th century.

References

1. Antanovich, Z.V. Arkhiu i bibliyateka Pinskaha francyskanskaha kliashtara u XIX st. iak chastka socyialkulturnai spadchyny Pinshchyny // Krynicaznaustva, arheahrafiya, arhivaznaustva u XX–XXI stst. u Bielarusi: zb.navuk.art., prysviechany 100-hoddziu z dnia naradzhenia M.M. Ulashchyka / Gal.red. S.M. Khodzin (adk.red.). Minsk : BDU, 2008. S. 190–195
2. Antanovich, Z.V. Arkhiu Polackaha daminikanskaha manastyra u siaredzinie XIX st. // Arkhivaryus. 2007. Vyp. 5. S. 8–14.
3. Arkhiv missionerov v Krakovie na Stradomie (AMK). Papka «Śmiłowice–4».
4. AMK. Papka «Śmiłowice».
5. Arkhiv provincii Iuzhnoi Polshi Obshchestva Iisusa (APIPOI). Rkps. 1027–XV.
6. APIPOI. Rkps. 1326.
7. APIPOI. Rkps. 845
8. Arkhiv franciskancev w Krakovie (AFK). E-I-12-19.
9. Biblioteka Vilenskogo Universiteta (BUVil). F57–B53–469.
10. BUVil. F57–B53–1024.
11. BUVil. F57–B53–1025.
12. BUVil. F57–B53–1033
13. BUVil. F57–B53–1034.
14. BUVil. F57–B53–1043.
15. BUVil. F57–B53–1044
16. BUVil. F57–B53–1175
17. BUVil. F57–B53–3
18. BUVil. F57–B53–705
19. BUVil. F57–B53–797.
20. BUVil. F57–B53–889.
21. Zianiuk, R.U. Barac’ba z rymaska-katalickimi bractvami iak forma abmiezhavannia uplyvu kasciola u druhoi palovie XIX st. // Paustannie 1863–1864 hh. u Polshchy, Bielarusi, Litwie i Ukrainie: historyia i pamiac’ : zb.navuk.art. / uklad.: V.V. Yanouskaia, A.U. Unuchak, A.E. Firynovich, redkal. A.A. Kavalienia [i insh.]. – Minsk : Bel.navuka, 2014. S.279–291
22. Zianiuk, R.U. Kliashtarnia arkhivy Bielarusi u kancy XVIII – pachatku XX st. // Dokumentalnaya spadchyna Bielarusi XIV–XX stst. : Mat. Navuk.-Prakt. kanf., prysv. 75-hoddziu Nacyjanalnaha Histarychnaha arkhiva Bielarusi, Minsk, 26 chervienia 2013 h. / Red.kal. U.I. Adamushka [i insh.]. – Minsk: A.M. Varaksin, 2014. S. 162–168
23. Kanfiesiyny faktar u sacyjal’nym razvicci Bielarusi (kaniec XVIII – pachatak XX st.) / V.V. Yanouskaya [i insh.] ; navuk.red. V.V. Yanouskaya. Minsk : Bel.navuka, 2015. 496 s.
24. Litovskiy gosudarsviennyi istoricheskiiy arkhiv (LGIA). F. 694. Op. 1. D. 2754
25. LGIA. F. 694. Op. 1. D. 57.
26. Nacionalnyi istoricheskiiy arkhiv Bielarusi (NIAB). F. 1781. Op. 2. D. 1933.
27. NIAB. F. 1781. Op. 2. D. 2461.
28. NIAB. F. 1781. Op. 2. D. 1402.
29. NIAB. F. 1781. Op. 26. D. 1441.
30. NIAB. F. 1781. Op. 27. D. 261.
31. NIAB. F. 1781. Op. 27. D. 283.
32. NIAB. F. 1781. Op. 27. D. 337.
33. NIAB. F. 1781. Op. 27. D. 569.
34. NIAB. F. 2001. Op. 1. D. 131.
35. NIAB. F. 2001. Op. 1. D. 134.
36. NIAB. F. 2001. Op. 1. D. 137.
37. NIAB. F. 2001. Op. 1. D. 138.

38. NIAB. F. 2001. Op. 1. D. 144.

39. NIAB. F. 295. Op. 1. D. 1150.

40. Sytsko, K.V. Arkhivy rymaska-katalickich parafiy Zakhodniay Bielarusi XIX – piershai palovy XX st. (na prykladzie arkhiva kasciola Naysviacieishai Troycy u v. Ishchalna) // Teoreticheskiye i prakticheskiye problemy dokumentoviedeniya i arkhivovedeniya: retrospektiva i sovremennost'. Materialy Miedzunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii (Minsk, 2–3 diekabia 2015 g.) / Redkol.: E.M. Savickiy, S.V. Zhumar', P.A. Levchik i dr. – Minsk : BelNIIDAD, 2016. S. 173–181

41. Sytsko, K.V. Dakumienty i materyialy kanca XVII–XX st z parafiyalnykh arkhivau Rymaska-katalickaha kasciola iak krynicy pa historyi Bielarusi. Autarefierat dys. na saiskannie vuchonai stupieni kandydata hist.navuk. 07.00.09 – historyahrafiya, krynicy i mietady historychnaha dasledavannia. – Minsk, 2019. 26 s.

42. Filatova, E.N. Konfessionalnaya politika carskogo pravitelstva v Bielarusi. 1772–1860 gg. Minsk : Bel.nauka, 2006. 192 s.

43. Paulouskaya, H. Grodzieńskie kroniki klasztorne XVII i XVIII wieku. Formy gatunkowe i aspekty komunikacyjne. Warszawa : Wydawnictwo DIG, 2016.

Об авторе

Зенюк Раиса Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела историографии и методов исторического исследования, Институт истории НАН Беларуси. E-mail: zianiukraja@gmail.com

Raisa Zianiuk – PhD in history, chief researcher department of historiography and methodology of historical research of the Institute of History of the National Academy of Science of Belarus. E-mail: zianiukraja@gmail.com